

Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е – 1930-е годы

В. Э. Молодяков

Рассмотрены основные англоязычные публикации 1900–1930-х годов о колониальном управлении Тайванем как части государственного имиджмейкинга Японии. Основным предметом анализа являются сочинения японских и иностранных авторов об успехах в деле модернизации Тайваня, контроля опиекурения и «умиротворения» аборигенов, которые японская пропаганда выдвигала в доказательство «цивилизаторской миссии» своей колониальной политики.

Ключевые слова: Япония, Тайвань (Формоза), модернизация, колонизация, аборигены, опиекурение.

История имиджмейкинга Японии – моделирования положительного образа страны во внешнем мире – насчитывает полтора века, на протяжении которых он всегда входил в число ее внешнеполитических приоритетов. Несмотря на все перемены, это единый процесс, этапы которого находятся в преемственном отношении друг к другу, а многие принципы и методы сохраняются до настоящего времени, порой почти не претерпев изменений. В целом имидж Японии в мире, не считая периода 1930-х – 1940-х годов, оставался благоприятным, хотя не всегда отвечал амбициям ее правящей элиты.

Настоящая статья посвящена малоизученному вопросу о том, какое место в моделировании образа Японии за рубежом занимала ее колониальная политика. Несмотря на то, что у Японии уже семьдесят лет нет колоний, наследие прошлого продолжает оказывать воздействие на ее отношения с сопредельными странами.

Консервативная революция *Мэйдзи исин* (1868 г.), выведшая страну на путь форсированной модернизации по западному образцу, положила начало ее государственному имиджмейкингу, хотя еще при правительстве *бакуфу* Япония участвовала в Лондонской всемирной выставке 1862 г. Стремясь расположить к себе общественное мнение «великих держав», токийские имиджмейкеры отдавали приоритет «мягкому» моделированию образа – не навязывали заграничному потребителю готовую модель, но позволяли ему как бы самостоятельно увидеть тот образ, который считали желательным. Сначала это был экзотической образ «живописной Японии», безобидной страны поэтов, художников и красавиц-гейш. На рубеже XIX–XX вв. на смену ему пришел образ «современной и прогрессивной Японии», достойной на равных войти в «клуб великих держав». «С окончанием (японо-китайской. – В. М.) войны Япония, наконец-то, ощутила, что она стала по-настоящему “цивилизо-

ванной»», – констатировал А. Н. Мещеряков, пояснив: «Япония стала первой страной в Азии, которая заставила западный мир считаться с собой... В Европе Японию признали в качестве почти что равноправного партнера»¹.

Внимание иностранцев одновременно обращалось как на уникальность истории и культуры Японии, так и на совместимость ее традиционных ценностей с христианскими, которые тогда приравнивались к «общечеловеческим». Японские авторы прямо обращались к иностранному читателю и старались завоевать его доверие. Учитывая типичное для того времени презрение «белых» к «желтым», они должны были говорить на языке «белых», т.е. оперировать понятиями, знакомыми и понятными европейцам и американцам, апеллировать к их представлениям, чтобы сначала заставить себя слушать, а потом верить. Другим важным методом имиджмейкинга стало привлечение авторитетных иностранцев для пропаганды положительного образа Японии в их странах.

В конце XIX в. Япония с удовлетворением подводила первые итоги модернизации по западному образцу, гордясь тем, насколько она приблизилась к «цивилизованному миру». Победа в русско-японской войне, ведение которой сопровождалось масштабной пиар-кампанией в Европе и США, подняла статус Японии в мире, но не улучшила ее имидж. Поражение, которое «желтые» нанесли «белым», беспокоило, прежде всего, англичан – не только союзников Японии, но и хозяев величайшей колониальной империи. «Сегодня очень занятно видеть, как успешный исход наших усилий занять свое место в семье народов кажется многим угрозой христианству», – писал во время войны Окакура Какудзо в книге «Пробуждение Японии», адресованной англоязычной аудитории². И в этот момент возможным пиаровским «козырем» была сочтена колониальная политика.

Нынешняя «политкорректность» предписывает безоговорочно осуждать «колониализм», распространяя негативное отношение к нему на «колониальную политику» и даже на «колонизацию». Однако на рубеже XIX–XX вв. внешнеэкономическая экспансия и создание колониальной империи были обязательны для любого государства, претендовавшего на самостоятельную роль в мировой политике, т.е. на статус «великой державы». Великобритания и Франция считали себя хозяевами мира. Нидерланды и Португалия поддерживали политический авторитет в основном за счет обладания колониями. Испания, проиграв в 1898 г. войну США, лишилась и колоний, и авторитета. В соревнование включились новые игроки – объединенная Германия, объединенная Италия, Бельгия.

¹ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. С. 548, 550.

² Okakura K. Collected English Writings. Tokyo: Heibonsha, 1984. Vol.1. P. 177.

«Европейские страны начали с нервной поспешностью заявлять права на еще доступные земли, и меньше чем за десятилетие обширные внутренние территории Африки, остававшиеся белым пятном на карте, были поделены между европейскими державами. Стремление опередить других достигло Океании, где ни один коралловый риф не казался слишком маленьким, чтобы пренебречь им в погоне за территориальными приобретениями, – писал в 1902 г. П. Рейнш. – Наконец, вожделение европейских стран обратилось на густо населенные регионы Азии с древними и развитыми цивилизациями. Они были готовы бесцеремонно кромсать благородное тело Китая, когда были остановлены, по крайней мере, на время китайским восстанием («боксерское» восстание 1900–1901 гг. – В. М.). Теперь они ведут расчетливую игру и делают хитроумные ходы ради приобретения политического влияния по всему древнему континенту, от Босфора до Кореи»³. М. Питти назвал это «спазмом имперской экспансии, примечательным своими глобальными масштабами и краткой продолжительностью»⁴.

Япония пошла по этому пути, но возможности ее экспансии были ограничены географическими и экономическими факторами. Первым приобретением стали острова Рюкю, занятые в 1872 г., когда они были независимым королевством, и в 1879 г. превращенные в префектуру Окинава. Санкт-Петербургский трактат 1875 г. закрепил суверенитет Японии над Курильскими островами взамен отказа от претензий на Сахалин⁵. Лишь в середине 1890-х годов она сумела добиться отмены неравноправных договоров и построить флот, пригодный не только для обороны метрополии, но и для ведения наступательных операций. По Симонсекскому мирному договору 1895 г. побежденный Китай передал Японии Формозу⁶ (Тайвань) и Пескадорские острова (Пэнхуледао). По условиям Портсмутского мира с Россией 5 сентября 1905 г. она приобрела южную часть Сахалина (Карафуто); по Пекинскому договору с Китаем 22 декабря 1905 г. получила все права аренды на Ляодунском полуострове, ранее принадлежавшие России. 17 ноября 1905 г. Япония установила протекторат над Кореей, навязав ей соответствующий договор. Новое соглашение 24 июля 1907 г. фактически передало всю власть в стране японскому генеральному резиденту, которым в то время был Ито Хиробуми. Убийство Ито корейским националистом в Харбине 26 октября 1909 г. подтолкнуло Токио к решительным действиям. 30 мая 1910 г. генеральным резидентом в Сеуле был назначен бывший воен-

³ *Reinsch P. S. Colonial Government. An Introduction to the Study of Colonial Institutions.* Freeport NY: Books for Libraries Press, 1970 (1902). P. 96.

⁴ *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945.* Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 3.

⁵ Острова Рюкю, Курильские острова и Южный Сахалин были интегрированы в территорию метрополии и не могут считаться «колониями».

⁶ До 1945 г. в литературе на европейских языках, включая японскую, использовалось название «Формоза», но в переводе я это не сохраняю.

ный министр Тэраути Хисаси. 22 августа он вынудил корейского короля подписать договор о «слиянии», по которому тот уступал японскому императору полностью и навечно все права суверенитета. Корея была окончательно аннексирована и стала, подобно Тайваню, генерал-губернаторством. Европейцы с интересом принялись наблюдать, как «не-белые» справятся с управлением колониями, что считалось исключительной прерогативой «белых».

По мнению М. Питти, Япония стремилась получить Тайвань «преимущественно из соображений престижа»⁷. С ним согласен С. Лоун: «Поначалу приобретение колониальной империи не давало Японии ни экономических, ни стратегических преимуществ. Зато оно давало ощущение международного престижа, что для нации, находившейся по другую сторону глобального этнического водораздела, имело значительную ценность... Даже получив колонию (Тайвань. – В. М.), мало кто знал, что с ней делать»⁸. Решимость правящих кругов Токио взять остров под контроль во многом диктовалась военно-стратегическими и геополитическими расчетами, в духе теорий «морской силы» А. Т. Мэхэна, которые пользовались популярностью среди японских военных⁹.

Тайвань стал «лабораторией» и «витриной» японской колониальной политики, «школой целого поколения имперских управленцев»¹⁰, особенно в период пребывания выдающегося администратора и политика Гото Симпэй на посту гражданского губернатора (1898–1906 гг.). Итоги этой работы подвел депутат парламента и публицист Такэкоси Ёсабуро, дважды посетивший остров в первой половине 1900-х годов и написавший книгу «Японское правление на Тайване» (1905). «История нашей страны как колониальной державы начинается с нашего управления Тайванем, успех или неуспех которого должен оказать решающее воздействие на все наши дальнейшие предприятия», – заявил Гото в предисловии¹¹. Английский перевод, вышедший в Лондоне в 1907 г., можно считать началом целенаправленного колониального имиджмейкинга Японии в международном масштабе.

Такэкоси отметил, что друзья предостерегали его от поездки, пугая неизбежной малярией или дизентерией, но в итоге он остался настолько доволен увиденным, что не побоялся бы, по собственным словам, отправит туда своих детей¹². В работе над книгой он пользовался под-

⁷ The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. P. 8.

⁸ Lone S. Army, Empire and Politics in Meiji Japan. The Three Careers of General Katsura Taro. N.Y.: St. Martin's Press, 2000. P. 41–42.

⁹ Asada S. Mahan to Pearl Harbor. The Imperial Japanese Navy and the United States. Annapolis MD: Naval Institute Press, 2006. Ch. 1.

¹⁰ Matsusaka Y. T. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. Cambridge MS: Harvard University Press, 2001. P. 2.

¹¹ Takekoshi Y. Japanese Rule in Formosa. London: Longmans, Green, 1907. P. v.

¹² Ibid. P. 284.

держкой генерал-губернаторства, действия которого иногда осторожно критиковал. В общей положительной оценке сделанного автор не сомневался, назвав первую главу «Краткая история наших успехов». Объемистая (более 300 страниц), насыщенная цифрами и фактами книга, даже при явной ориентации на «историю успехов» и «ответ критикам» (прежде всего в Японии), стала первой на европейских языках обобщающей работой не только о положении дел на Тайване, но и о колониальной политике Японии. Сглаживая острые углы, она не искажала ситуацию в целом, а потому ценна как источник информации, а не только как пиар-акция. Об этом свидетельствует ее переиздание в 1996 г. в Тайбэе.

Предварив изложение современного положения историческим очерком, в котором подчеркивалась губительность китайского правления, автор постарался осветить все стороны деятельности колониальной администрации. В рамках нашей темы наибольший интерес представляют проблемы, решение которых японцы ставили себе в заслугу, а также действия, за которые они подвергались критике. Это санитарное состояние острова, опиумная монополия и положение аборигенов.

Успехи японцев в модернизации Тайваня были бесспорны. Составление земельного (позднее лесного и водного) кадастра, реформы налогообложения и местной администрации, создание системы массового образования проводились в интересах новых хозяев, но в колониальную эпоху не приходилось ожидать иного. Введение государственных монополий на соль и камфару не вызывало критику в отличие от монополии на опиум и политики ограничения опиекурения вместо его запрета.

Принесенный из Китая обычай курения опиума укоренился на Тайване в доколониальную эпоху. Приступая к управлению островом, японские власти считали это серьезной проблемой, в том числе с точки зрения возможного пиаровского эффекта. Некоторые иностранные миссионеры, проповедовавшие на Тайване, например Томас Барклай из Тайнаня, призывали полностью запретить производство, продажу и употребление опиума, исходя из соображений «морали». Модернизаторски настроенные японцы относили его к числу «дурных обычаев прошлого», вроде бинтования ног у девочек, подлежащих решительному искоренению. Однако, по словам Такэкоши, «пытаться заставить тайваньского китайца не курить опиум – все равно что пытаться заставить его не пить и не есть»¹³.

Назначенный в 1897 г. советником генерал-губернаторства британский врач Уильям Майерс, как медик и старожил острова, настаивал на необходимости отделить вопрос о контроле над опиумом от этических проблем. Прежние власти, отмечал он, де-факто поощряли опиекуре-

¹³ *Takekoshi Y. Japanese Rule...* P. 156.

ние, поэтому немедленный и полный запрет приведет к хаосу. Следует найти такие способы контроля над оборотом опиума, которые будут приемлемы и для властей, и для курильщиков, дабы не давать лишнего повода для недовольства. Майерс предложил сделать импорт, производство и продажу опиума монополией властей и регламентировать его потребление с помощью лицензий, которые выдавались бы только хроническим курильщикам (наркозависимым), пожизненно и с указанием потребляемой дозы. Воспрещалось начинать употребление опиума и открывать курильни, строго каралась контрабанда¹⁴.

В Министерстве внутренних дел, которому подчинялось генерал-губернаторство, нашлось немало сторонников запрета: одни вообще предпочитали репрессивные меры, другие заботились об «имидже». Однако возобладала точка зрения Гото, возглавлявшего Санитарное бюро МВД. Он воспользовался рекомендациями Майерса, ибо сам придерживался того же мнения, но из-за их последующей ссоры фамилия англичанина исчезла из официальной истории, и политика ограничения опикурения связывалась с именем Гото. В январе 1897 г., еще до назначения Гото гражданским губернатором, был принят соответствующий закон, распространявшийся также на производство, ввоз и использование опиума в медицинских целях. Нарушение влекло за собой крупные штрафы и каторжные работы. Такэкоси назвал закон «важной главой истории нашего управления Тайванем», хотя признал, что сокращение числа курильщиков «может быть достигнуто лишь распространением просвещения и потребует немало времени»¹⁵.

В первые годы после принятия закона количество опикурильщиков на острове, согласно японской статистике, возросло, но причиной этого стала как раз строгая «постановка на учет»; возросло и количество умерших от последствий употребления наркотика, поскольку ранее причина смерти фиксировалась не всегда¹⁶. Опиумная секция Бюро государственных монополий производила и продавала опиум до конца колониального периода, не только ощутимо пополняя бюджет (цены были высокими и фиксированными), но снизив число курильщиков и случаев смерти от наркотиков, хотя не добилось искоренения «зелья». Власть ссылались на следование политике европейских держав в их колониях, но иностранные критики, особенно советские, утверждали, что японцы на деле никогда не ставили такой задачи и не собирались лишаться стабильного источника дохода. Так или иначе, власти строго контролировали качество производимого и ввозимого опиума (он стал

¹⁴ *Хасэбэ С.* Советник генерал-губернаторства Уильям Майерс и японское управление Тайванем // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М.: ИВ АН, 2016. С. XXX.

¹⁵ *Takekoshi Y.* Japanese Rule... P. 157, 164. Основные положения закона. P. 157–158.

¹⁶ *Ibid.* P. 162–163.

чище и слабее), в том числе с помощью специальных дегустаторов-китайцев, и не подпускала курильщиков к его производству¹⁷.

Успехи в регулировании опикуения, которое в «цивилизованном мире» признавалось «злом», побуждали японские власти к их активной пропаганде за границей (для самих японцев проблема не была актуальной). Это вызвало интерес к их опыту. Русский журналист И. С. Левитов, озабоченный бесконтрольным распространением контрабандного опиума и опикуения на Дальнем Востоке, где его производство и употребление было официально запрещено, в 1903 г. провел три недели на Тайване и изучал опиумную политику, пользуясь содействием генерал-губернаторства. Опубликованная в 1906 г. статья Левитова, разосланная чиновникам, членам Государственной думы и в прессу, высоко оценивала достижения японцев и рекомендовала применить их опыт в России, но инициатива не вызвала интереса. Сравнивая данные и оценки Левитова, Такэкоси и других источников, В. Ц. Головачев и В. А. Перминова сделали вывод, что журналист «сознательно идеализировал успехи японских властей в сфере опиумной политики, чтобы тем самым привлечь большее внимание к японскому опыту и побудить депутатов Госдумы к его скорейшему использованию в России», а его статьи «заметно подвержены влиянию официальной пропаганды и не раскрывают всю реальную суть японской опиумной политики, но в то же время содержат ряд объективных данных о её социально-экономических сторонах»¹⁸. Это тоже небольшой, но несомненный успех колониального имиджмейкинга.

Санитарно-гигиеническое состояние Тайваня служило предметом особой гордости Гото. До прихода японцев остров был известен как «царство» бубонной чумы, малярии и тропической дизентерии, с которыми прежние власти если и боролись, то неэффективно. «Не ошибусь, если скажу, что уровень цивилизации, достигнутый народом, можно определить по успехам его администрации в сфере санитарии»¹⁹. В этой фразе Такэкоси виден явный «пиаровский» подтекст: по данным показателям Япония уже в те годы выгодно отличалась от остальной Азии, включая колонии «великих держав» и Китай. Гото, его сотрудники и преемники «подтянули» остров до уровня метрополии, поэтому даже критично настроенный к японцам американский журналист У. Г. Чемберлен признал: «В отношении чистоты и санитарного состояния городов, средств транспорта и связи, гигиенических мер, направленных на искоренение заразных болезней, отсутствия бандитизма и пиратства

¹⁷ *Takekoshi Y. Japanese Rule...* P. 154; *Foght H. & A. Unfathomed Japan. A Travel Tale in the Highways and Byways of Japan and Formosa.* N.Y.: Macmillan, 1928. P. 344.

¹⁸ Головачев В. Ц., Перминова В. А. Журналист И. С. Левитов об опиумной политике на Тайване // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. С. XXX.

¹⁹ *Takekoshi Y. Op. cit.* P. 283.

контраст (Тайваня с Китаем. – В. М.) очень силен и полностью в пользу Японии»²⁰. Новые здания строились со строгим соблюдением санитарных норм, поэтому модернизированный Тайхоку превосходил многие японские города; очистные сооружения позволяли пить воду из реки Тамсуй, что раньше было равносильно самоубийству²¹. Медицинские учреждения европейского типа существовали на острове и в доколониальный период, но это были немногочисленные клиники, принадлежавшие иностранцам. Система медицинского обслуживания, подготовки медперсонала и санитарного просвещения была создана лишь при колониальной администрации.

Положение аборигенов, которых было принято называть «дикарями», в начале XX в. мало кого волновало в Европе и США. Они «по определению» считались стоящими на гораздо более низкой ступени развития, поэтому их полагалось «цивилизовать» всеми способами, включая силовые. Такэкоси констатировал, что «проблема дикарей еще полностью не решена»: «Нашу власть признали три миллиона жителей, которые занимают всего лишь треть площади Тайваня, а оставшиеся две трети находятся в руках ста тысяч дикарей, не терпящих никакого вторжения в их земли»²². Автор пояснил, что дело не в нерадении властей, но лишь в наличии у них более неотложных задач, включая искоренение бандитизма и эпидемий. Он особо отметил значение усилий Гото: гражданский губернатор не только распорядился провести масштабное научное исследование нравов, языка и верований «дикарей», но и сам не раз посещал населенную ими территорию²³, которая со времен китайского правления была отделена от «цивилизованной» части острова и строго охранялась. Указав на помощь властей аборигенам, сложившим оружие и бросившим «охоту за черепами», в занятиях сельским хозяйством и ремеслом и получении образования, автор подчеркнул: «Мы не можем позволить себе ждать, когда они откажутся от варварства и почувствуют к нам искреннюю дружбу. Куда лучше и полезнее для нас силой занять их территорию, цивилизовав ее»²⁴.

Еще до появления книги Такэкоси глава об успехах колонизации Тайваня заняла место в масштабном пиар-проекте – сборнике «Японцы о Японии» под редакцией журналиста-японофила Альфреда Стэда, изданном летом 1904 г. на английском и немецком языках. Задуманный еще до русско-японской войны (но появившийся, когда она шла полным

²⁰ Chamberlin W. H. Japan over Asia. London: Duckworth, 1938. P. 151.

²¹ Takekoshi Y. Japanese Rule... P. 285.

²² Ibid. P. 210, 218.

²³ Ibid. P. 210, 215. См. подробнее: Головачев В. Ц. Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских ученых колониального и послевоенного периода // Япония. 2011. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 270 – 278.

²⁴ Takekoshi Y. Op. cit. P. 230.

ходом), в том числе в сфере информации и пропаганды, проект был призван показать не только «величие», но «цивилизованность» и «современность» Японии, поскольку печать России и ее союзницы Франции подчеркивала «азиатский» характер противника, «отсталость» и необоснованность его претензий на статус «великой державы». Авторами статей числились ведущие японские государственные деятели и ученые, но полагаю, что многие тексты были составлены их подчиненными. В марте 1906 г. книга вышла на русском под названием «Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов» с предисловием и примечаниями Д. И. Шрейдера, написанными после окончания войны, с наступлением «золотого века» двусторонних отношений.

Авторами главы «Формоза»²⁵ указаны Гото и Кацура Таро – второй генерал-губернатор острова, составлявший планы его освоения, бывший военный министр и премьер-министр (позднее он еще дважды занимал этот пост), глава Тайваньской ассоциации (*Тайван кёкай*; в книге «Формозское общество»), основатель и первый ректор ее Высшей школы (ныне университет Такусёку). Она заслуживает упоминания главным образом потому, что это первая на русском языке публикация общего характера о японской колонизации Тайваня и на многие годы единственная, не отмеченная влиянием пропаганды.

Говоря о первых шагах колонизации, Кацура подчеркнул: «Принятие санитарных мер составляло, конечно, первую обязанность японского правительства (т.е. администрации. – В. М.)... Меры против распространения эпидемий – улучшение канализации и водоснабжения – были совершенной новостью для Формозы... Настойчиво стоял вопрос о курении опиума – вопрос, тесно связанный с общественным спокойствием. Чтобы искоренить эту привычку постепенно, но окончательно, правительство решило организовать для этой специальной отрасли попечения о народном здравии сложный и сильный исполнительный механизм». Гото отметил, что субсидии и займы, покрывавшие дефицит бюджета острова до достижения им самокупаемости, «пошли почти исключительно на выполнение общественных работ, и эти деньги следует рассматривать не как расход, произведенный без надежды на возвращение, а как капитал, выгодно помещенный в интересах населения». «От торговых сношений колонии с метрополией получают выгоды, – добавил он. – Я полагаю, что если колония приносит выгоды метрополии уже в первые семь лет своего существования, то это лучшее доказательство ее жизнеспособности».

²⁵ Глава XXX. Формоза. I. Прежнее административное положение. II. Современное состояние Формозы. III. Местное управление // Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом. СПб.: Просвещение, 1906. С. 500–515. Далее цит. без сносок.

Колонизация Тайваня дала повод и для контрпропагандистской акции русской печати. В сентябре–октябре 1904 г., в разгар тяжелых боев, «Новый журнал литературы, искусства и науки» поместил перевод статьи «Формоза» немецкого путешественника Адольфа Фишера, который рисовал положение на острове и его новых хозяев исключительно негативно: «В Европе ошибочно думают, что, получив Формозу в свои руки, японцы вполне прочно утвердились там и водворили образцовый порядок... Несмотря на европейский мундир, японский военный остался тем же дикарем, что и был, и кровожадность его нисколько не уменьшилась внешней культурностью... Жажда крови лежит в существе японской натуры»²⁶. В предисловии редакция утверждала, что Фишер, «не увлекаемый никакими политическими симпатиями в ту или иную сторону, совершенно беспристрастно описывает свои странствования», но этому позволительно не верить. Интереснее другое: его впечатления относятся к 1898 г., что тоже отмечено в редакционной врезке²⁷. Так что их воспроизведение в 1904 г. без указаний на изменение ситуации придает публикации явно пропагандистский характер.

На тайваньском материале построил лекцию «Япония как колонизатор»²⁸ Нитобэ Инадзо – возможно, самый успешный японский имиджмейкер конца XIX и первой трети XX в., получивший международную известность благодаря написанной по-английски книге «Бусидо. Душа Японии» (1899)²⁹. Первый в Японии обладатель докторской степени по агрономии, Нитобэ организовал выращивание сахарного тростника на Тайване, а затем читал в учебных заведениях новаторские курсы по колониальной политике. В 1911 г. он стал первым японским «профессором по обмену» в США, где за год 166 раз читал лекции о разных аспектах истории и современной жизни своей страны и выпустил их книгой под названием «Японская нация: ее земля, ее народ, ее жизнь».

Нитобэ начал со знаменитого предупреждения Ли Хунчжана во время мирных переговоров 1895 г., когда тот предостерегал японцев, что Тайвань принесет им только проблемы и убытки по четырем причинам: бандитизм и пиратство; курение опиума; нездоровый климат и эпидемии; «охотники за черепами». Лектор уверял американцев, что с первой напастью новая власть справилась полностью, вторую намерена искоренить и знает как это сделать, третью почти одолела (оспа и хо-

²⁶ Фишер А. Формоза. (Японская колония) // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1904. № 9. С. 190.

²⁷ Там же. С. 187.

²⁸ Japan as Coloniser // Nitobe I. The Japanese Nation. Its Land, Its People, and Its Life. N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1912. P. 231–257. Далее цит. без сносок.

²⁹ О Нитобэ-имиджмейкере: Молодяков В. Япония в меняющемся мире. История. Идеология. Имидж. М., 2011. С. 87–96.

лера) или успешно одолевает (чума и малярия). Аборигенам дан выбор: отказаться от варварских обычаев, примириться с властью и получать от нее помощь – или жить за колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток.

«Колония, которая сначала считалась роскошью, стала необходимой для нас, – отметил Нитобэ. – Этому примеру мы будем следовать и в других колониях», включая Корею, население которой предстоит «научить повиноваться закону». Базовый принцип колониальной администрации он сформулировал как «твердость в управлении и свобода в обществе», а «секретом успеха» назвал «правосудие, одобренное милостью». Выпуская в 1931 г. – когда стали очевидны не только положительные, но и отрицательные стороны японской колониальной политики – итоговую книгу «Япония: некоторые фазы ее проблем и развития», Нитобэ вовсе исключил эту тему.

В 1910-е и особенно в 1920-е годы европейцы и американцы, к отзывам и мнениям которых официальный Токио оставался чувствителен, куда меньше верили «первоклассным японским авторитетам», нежели соотечественникам, особенно известным людям или аполитичным globtrotter'ам, которых считали беспристрастными. Японцы быстро уловили эту тенденцию и старались показать благожелательно или хотя бы нейтрально настроенным визитерам все лучшее. Сошлось хотя бы на отчет академика Н. И. Вавилова, который осенью 1929 г. побывал в командировке от АН СССР в Японии, Корее и на Тайване³⁰. Его интересовали не социальные или политические вопросы, но сельское хозяйство, растениеводство и состояние научной работы в данной области. Гостю оказывалось всяческое содействие: «Был разработан маршрут по всему острову – и вглубь, и на самый юг. Власти предоставили в наше распоряжение средства сообщения, были даны телеграфные указания о встречах и ночлегах. В маршрут включалось и посещение горных районов, заселенных малайскими племенами, наиболее воинственными жителями острова, так называемыми “охотниками за черепами”... Короткий визит на Тайвань оказался чрезвычайно продуктивным»³¹.

Чем меньше иностранец знает о стране пребывания, тем легче смоделировать его представление о ней. Не знающий языка, не имеющий специальных знаний и вверенный попечению провожатых, визитер убежден, что «видел все своими глазами», хотя видел то, что ему показали, и слышал то, что ему рассказали. Это не значит, что все показанное и рассказанное – неправда; это лишь не вся правда. Вне зависимости от того, насколько гость сознает степень несвободы своих перемещений и впечатлений и степень ангажированности сообщенной ему информации,

³⁰ Вавилов Н. И., *акад.* Наука в Японии : (Из впечатлений поездки в Японию, Корею и Формозу осенью 1929 г.) // *Природа*. 1930. № 4.

³¹ Путешествие на Тайвань // *Вавилов Н. И.* Пять континентов. М.: Мысль, 1987. С. 99–101.

его впечатления отражают содержание и формы имиджмейкинга принимающей стороны, а четкость отражения зависит от его наблюдательности и опыта.

В свои колонии японцы старались допускать только «проверенных» иностранцев³², поскольку там, по свидетельству У. Г. Чемберлена, «полиция и военные... в целом более насторожены и подозрительны, чем в самой Японии»³³. Повышенное внимание к безопасности колоний было вызвано опытом их многолетнего «замирения». С течением времени все большую роль играли опасения властей относительно проникновения туда революционной и антияпонской пропаганды, а также возможности негативного изображения их деятельности в иностранной прессе.

Среди первых иностранных работ о японских колониях заслуживают внимания «Островные владения Японии» (1913) антрополога-любителя Шарлотты Солви. Японофил и апологет колониальной политики, особенно «цивилизаторской миссии» в отношении аборигенов³⁴, она посвятила книгу этой проблеме, а потому объединила в ней колонии (Тайвань, Пескадорские острова) с территориями, которые таковыми не считались (Рюкю, Бонин, Курилы, Карафуто). Лаконично и выразительно описав нравы «дикарей», в основном по данным японского антрополога Исии Синдзо, Солви указала на природные богатства Тайваня и, вслед за Такэкоси, подчеркнула необходимость «освоения» всей его территории, в том числе занятой «охотниками за черепами»³⁵. «Какой бы трудной ни была задача их усмирения, воспитания и превращения в полезных граждан, японцы не уклонились от ответственности за такое предприятие. Напротив, они охотно взялись за работу, чувствуя, что в итоге не останутся в накладе... Тайвань оказался куда более ценным приобретением, нежели казалось вначале, когда китайцы отдали его». Самой большой проблемой острова, после «цивилизации» аборигенов, Солви назвала опиекурение, в борьбе с которым власти проявили «много твердости, такта и сдержанности». Рассказывая о практически закрытых для иностранцев Пескадорских островах, которые японцы объявили «стратегической зоной», автор наряду с успехами японцев в их «умиротворении» и освоении отметил стратегическое значение архипелага³⁶.

В 1920-е годы Тайвань понемногу вовлекался в сферу международного туризма и попал в «Официальный путеводитель по Японии», вы-

³² С. Г. Елисеев побывал на Тайване зимой 1912/13 г., после окончания курса в Токийском университете; Н. А. Невский в 1929 г. – в качестве японского ученого. Б. А. Пильняка в 1926 г. не пустили на остров, несмотря на наличие действующей визы.

³³ Chamberlin W. H. Japan over Asia. P. 241.

³⁴ Inkster I. Anthropologies of Enthusiasm: Charlotte Salwey, Shinji Ishii, and Japanese Colonialism in Formosa circa 1913–1917 // Taiwan Journal of Anthropology. Vol. 9 (2011). № 1. P. 67–97.

³⁵ Salwey Ch. M. The Island Dependencies of Japan. London: Eugene L. Morice, 1913. P. 14–50. Далее цит. без сносок.

³⁶ Ibid. P. 128–136.

пущенный Управлением государственных железных дорог – главным туроператором страны. Среди гостей острова, чьи впечатления можно считать продуктом колониального имиджмейкинга, отметим британского литератора Оуэна Раттера и двух американцев – путешественника и писателя Пултни Бигелоу и педагога Гарольда Фогта. Никто из них не владел японским, китайским и тайваньским языками, и они полностью зависели от гидов и переводчиков. Все они не были политически ангажированными, но первые двое имели читательскую аудиторию, а третий был известен в педагогических кругах. В совокупности это делало их идеальным «передатчиком» смоделированных образов³⁷.

Бигелоу приехал на Тайвань во время своего пятого и последнего приезда в Японию в 1921 г., который описал в книге «Япония и ее колонии». Побывав во многих колониях европейских держав, он интересовался опытом и достижениями японцев, которые США могли бы применить в своих владениях. За плечами Раттера, посетившего остров годом позже и описавшего его в книге «По Тайваню», были пять лет государственной службы в Северном Борнео. Автор «Недопонятой Японии» Фогт, специалист по сельскохозяйственному образованию, отправился в путь в 1925 г. чтобы ознакомиться с постановкой школьного дела в аграрных районах и поделиться американским опытом.

Бигелоу был окружен вниманием официальных лиц: его приняли императрица, министр иностранных дел, министр двора, а также мэр Токио Гото Симпэй, который «заложил основы управления колонией»³⁸. Гото так описал их: «Первое: дать чиновникам образование, необходимое для будущей службы. Они должны знать китайский и малайский (тайваньский. – В.М.) языки; должны знать историю, обычаи и верования местного населения, чтобы не будить национальные и религиозные предрассудки; должны знать географию и природные условия каждого района, чтобы действовать с умом и тактом. Второе: ни один из местных обычаев не должен искореняться насильно, а новые законы не должны искусственно навязываться людям, которые не готовы к ним»³⁹. На острове гостя принимали генерал-губернатор Дэн Кэндзиро, гражданский губернатор Симомура Хироси, начальник полиции и командующий Тайваньской армией⁴⁰.

Учитывая напряженность в японо-американских отношениях после Вашингтонской конференции, Бигелоу, выступавший как апологет Японии, счел нужным объяснить финансовую сторону вояжа: «Некоторые

³⁷ Подробнее: *Молодяков В.* Витрина японской колониальной политики: Тайвань в записках американских путешественников 1920-х годов // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. С. XXX.

³⁸ *Bigelow P.* Japan and Her Colonies. London: Edward Arnold, 1923. P. 18.

³⁹ *Ibid.* P. 19–20.

⁴⁰ *Bigelow P.* Japan and Her Colonies. P. 56–58, 136–137.

демагоги утверждали, что перо моей ручки из японского золота... Моя недавняя поездка по Японии и ее колониям дорого обошлась мне лично, сколько бы еще ни потратило ее правительство. Банк готов предъявить любому суду данные моего счета, из которых следует, что половина моего годового дохода пошла на это интересное путешествие. Для меня это внушительная сумма, но, уверенный, что правда принесет пользу, взамен я получил куда больше»⁴¹.

Фогт был гостем Национальной ассоциации поощрения образования и газеты «Кокумин»; последняя, возможно, выступила спонсором поездки, которой оказали содействие Министерство просвещения и генерал-губернаторство. Отметив это, автор подчеркнул независимость взгляда и объективность изложения: «Да, нас (Фогт путешествовал с женой. – В. М.) сопровождали и нам показывали. Но с полным пониманием того – и это было оговорено заранее, что мы едем в Японию с другого конца Тихого океана, чтобы увидеть японскую действительность как она есть – в худшем и в лучшем»⁴². Раттер приехал с рекомендательным письмом к генерал-губернатору от известного ему британского дипломата и благодаря содействию местных властей «получил возможность заглянуть во многие окна, обычно закрытые для путешественников»⁴³.

Увиденное все трое оценили восхищенно. «Подобно многим прекрасным вещам, Тайвань сменил много владельцев, но именно японцам выпало огранить и отполировать эту драгоценность. За двадцать восемь лет владения островом они настолько преуспели в его развитии, что это, пожалуй, не имеет аналогов в истории цивилизации», – восклицал Раттер, добавив: «Сомневаюсь, что хоть одна колония сопоставимого размера может показать такой прогресс за такой короткий период»⁴⁴. «Ничто из сделанного Японией так не доказывает ее величия, – заявил Фогт, – как просвещенные методы, используемые в своих владениях, и те богатства и людские жизни, которые она жертвует для достижения желанной цели – превратить некогда враждебные колонии в довольные и сотрудничающие (с метрополией. – В. М.) части империи»⁴⁵. «Японцы сделали для Тайваня то же самое, что Соединённые Штаты сделали на Филиппинских островах, Кубе и Пуэрто-Рико, – отметил он. – Обе страны провели насущно необходимые правовые реформы, вычистили грязные города, построили шоссейные и железные дороги, модернизировали систему народного образования и преобра-

⁴¹ Ibid. P. 260.

⁴² *Foght H. & A. Unfathomed Japan...* P. XI.

⁴³ *Rutter O. Through Formosa. An Account of Japan's Island Colony.* London: T. Fisher Unwin, 1923. P. 7; в 1989 г. книга переиздана в Тайбэе.

⁴⁴ Ibid. P. 44, 154.

⁴⁵ *Foght H. & A. Op. cit.* P. 385.

зовали все общественные институты в соответствии с научными принципами»⁴⁶. «Тайвань доказывает, что Япония избегает методов, которые вредят колониям всех европейских католических стран, – полагал Бигелоу. – Она никому не подражает, но проводит в своих владениях политику, которую Герберт Спенсер называл разумным эгоизмом»⁴⁷. И высказал неожиданную мысль: «Каким благодеянием для нас и всего мира было бы, если бы Япония оккупировала одну или несколько наших латиноамериканских республик и обеспечила бы там безопасность жизни и собственности!»⁴⁸.

Политику Японии в отношении местного населения Бигелоу и Фогт считали успешной: «Укрощение дикарей – долгий и дорогостоящий труд. Он стоил многих жизней, не говоря о миллионах денег. Но Япония не мстит и не торопится. Она мудро проводит политику просвещения аборигенов, поддерживая ее предоставлением им работы в трудное время. Иными словами, формозские дикари постепенно понимают, что грабежи и убийство больше не приносят им выгод, во всяком случае, при японцах... Аборигены хотят иметь работу и пользоваться ее плодами... Япония обеспечивает им такую возможность»⁴⁹. По мнению Раттера, «японцы показали себя успешными колониальными администраторами во всех сферах кроме одной – умиротворения аборигенов», хотя «они значительно улучшили условия, существовавшие при китайском правлении». «Китайцы не пытались добиться мирного урегулирования – их единственной политикой было истребление»⁵⁰.

Неудачей японцев Раттер считал то, что, несмотря на все усилия и жертвы, две трети острова оставались в руках «дикарей». Причину он видел в политике ассимиляции, которую считал принципиально неверной. «Японцы ошиблись, недооценив не только силу, но и нестигаемый характер тех, с кем им пришлось иметь дело. Они видели в них всего лишь досадную помеху... Они не проявляли жестокости к аборигенам, но и не проявляли симпатии. Они учат их японскому языку и навязывают им японские обычаи, не учитывая, что у язычников (pagans. – В. М.) уже есть собственный язык и собственные обычаи... Власти заставляют аборигенов учить японский язык вместо того, чтобы обучать своих чиновников местному языку; они разрушают дух местного народа вместо того, чтобы поддерживать его. Поэтому язычники так неохотно подчиняются японскому влиянию. Поэтому японцы терпят неудачу»⁵¹. Выступая как колониальный администратор, Раттер привел в пример политику

⁴⁶ Ibid. P. 341.

⁴⁷ Bigelow P. Japan and Her Colonies. P. 82.

⁴⁸ Ibid. P. 121.

⁴⁹ Ibid. P. 85 – 86.

⁵⁰ Rutter O. Through Formosa... P. 161, 224.

⁵¹ Ibid. P. 249 – 251.

англичан на Северном Борнео, аборигены которого казались ему похожими на тайваньских: сохранение местного языка и обычаев; делегирование больших полномочий выборным вождям; создание туземных судов, базирующихся на обычном праве; привлечение аборигенов в полицию – под контролем специально подготовленных чиновников.

Неизвестно, читали ли книгу японские колониальные администраторы, но советам автора они не последовали. Раттер был прав, сделав вывод: «Очевидно, что у японцев нет желания готовить местных жителей к работе на ответственных постах. Они уверены, что сохранение всей власти в своих руках – залог безопасности и эффективности»⁵². В последнем случае речь шла о тайваньцах китайского происхождения, лишенных не только местного самоуправления, но и «права голоса» в вопросах, напрямую относящихся к их жизни.

Оккупация Маньчжурии осенью 1931 г. вовлекла Японию в конфликт с «великими державами», прежде всего с Великобританией и США, закончившийся ее выходом из Лиги Наций. Поскольку в мире росло количество критической и японофобской литературы, японская пропаганда стала более интенсивной и настойчивой, включая субсидирование «подходящих» иностранных авторов и выпуск их книг на английском языке в самой Японии. Внимание переключилось на Маньчжоу-Го, но политику Японии там нельзя назвать «колониальной» в точном смысле слова. Число публикаций о Тайване резко упало. В англоязычном офицозе МИД *Contemporary Japan*, выходившем с 1932 г. ежеквартально, а с 1939 г. ежемесячно, до начала войны на Тихом океане появилась всего одна (!) статья про Тайвань – краткий обзор 40 лет японского правления⁵³.

Разовой акцией выглядело заявление генерал-губернаторства «Тайваньцы делают свое дело» в сборнике «Пульс Японии» (1938), изданном во время войны в Китае с подзаголовком «Идеалы и цели действий Японии в Восточной Азии должны быть лучше поняты». Акцент делался на перспективах ассимиляции местного населения – «превращения в императорских подданных» (*коминка*), которая в 1937 г. была объявлена главной целью политики на Тайване. «Начало нынешних военных действий между Японией и Китаем стало новой вехой на пути к ассимиляции коренных жителей... Как только генерал-губернаторство объявило, что местные жители, на которых не распространяется воинская повинность, могут вступить добровольцами в армию, более тысячи человек изъявили такое желание... Островитяне более чем убедительно доказали искреннюю преданность империи... Видно, что они горды и

⁵² Rutter O. Through Formosa... P. 150.

⁵³ Osawa S. Japan in Taiwan // *Contemporary Japan*. Vol. IV. 2 (June 1935). P. 25–34. О журнале: Молодяков В. Россия и Япония в поисках согласия, 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012. Гл. 16.

счастливы быть японскими подданными»⁵⁴. Материал завершал сборник, что свидетельствует о его второстепенном значении. Сообщение о добровольцах вызвало критический отклик советского журнала «Тихий океан»⁵⁵, в котором колониальная политика Японии изображалась только негативно – например, в статье А. Розена (Я.П. Бремана) «Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895–1935 гг.)»⁵⁶, название которой говорит само за себя.

С началом подготовки Японии к новому этапу экспансии летом 1940 г. колониальная тема исчезла из ее пропаганды, уступив место призывам к созданию «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» путем «освобождения от белого империализма», которые достигли апогея с началом войны. Поражение Японии не только лишило ее колоний, но и перечеркнуло всю довоенную политику, включая колониальную. Потребовались более двадцати лет, чтобы непредвзятый анализ колониальной политики стал возможен в самой Японии, более тридцати – для появления первых серьезных исследований за ее пределами. Довоенные публикации, включая разобранные выше, скептически воспринимались как «пропаганда», но постепенно были возвращены в научный оборот и даже переизданы. Теперь их целесообразно рассмотреть как способ моделирования позитивного образа Японии – процесса, продолжающегося на наших глазах.

⁵⁴ Formosans Do Their Bit // The Pulse of Japan. Tokyo: Tokyo Information Bureau, 1938. P. 129–133.

⁵⁵ Прием корейских и формозских «добровольцев» в японскую армию // Тихий океан. 1938. № 3. С. 112–113.

⁵⁶ Розен А. Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895–1935 гг.) // Тихий океан. 1935. № 3. С. 105–122; № 4. С. 86–97.